

УДК 355/359

ББК 68

П 26

Першанин В. Н.

П 26 Сталинград. Я – снайпер / Владимир Першанин. – М. : Эксмо : Яуза, 2013. – 320 с.– (По мотивам кинохита «СТАЛИНГРАД»).

ISBN 978-5-699-67685-9

К премьере фильма «СТАЛИНГРАД!» По мотивам главного кинохита этого года! Решающее сражение Великой Отечественной через оптический прицел! Советские снайперы против немецких Scharfschütze! Смертельные дуэли в кровавом аду Сталинграда!

Они не заканчивали специальных школ, где опытные инструкторы учили бы их тактике снайперского дела, – да и школ таких в Красной Армии 1942 года практически не было. Они осваивали профессию снайпера на передовой, в огненном чистилище Сталинграда, где наши войска, прижатые к Волге, истекали кровью в многомесячных городских боях. Ежедневно рискуя жизнью, они выбивали немецких офицеров и пулеметные расчеты, связистов и артиллерийских наблюдателей, не давая гитлеровцам поднять головы. Они охотились на врага, а враг охотился на них, отвечая на каждый снайперский выстрел ураганным огнем минометов, артиллерии, «небельверферов» и MG. И шансов выжить в этой мясорубке у сталинградских снайперов было меньше, чем у штрафников...

УДК 355/359

ББК 68

© Першанин В.Н., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67685-9

Предисловие

Четверо немецких танкистов бодро шагали через поле по направлению к Волге. Был жаркий день 23 августа 1942 года. Разведывательная танковая рота шла впереди огромной бронетанковой колонны, преодолевшей за полдня путь в шестьдесят километров от Дона до Волги.

В роте закончился бензин, танки замерли в километре от реки. Самые нетерпеливые, во главе с лейтенантом, решили дойти до Волги пешком. Это была не просто река, а тот рубеж, достигнув которого, немцы могли с облегчением вздохнуть — цель достигнута.

В нескольких километрах южнее виднелся Сталинград, который бомбили сотни самолетов. Город горел, взрывы разносили высотные здания и убогие домишки, рушились заводские трубы. С такими темпами к вечеру от Сталинграда, пожалуй, ничего не останется. Настроение у танкистов было отличное, пройдены три тысячи километров, Красная Армия практически разгромлена, война приближается к победному концу.

На пути попало арбузное поле. Танкисты, молодые парни, в расстегнутых комбинезонах, раскалывали самые крупные арбузы и с жадностью ели сочную сладкую мякоть. Арбузы, которые не понравились, со смехом пинали, разбивая на куски. Им было весе-

ло, они смеялись и швыряли друг в друга арбузными корками.

Сторож в потертых штанах и выцветшей рубашке вылез из шалаша, погрозил им кулаком и что-то крикнул. Он ни разу не видел немецкой формы и принял парней за поселковых бездельников. Хватили на жаре самогона и дурят как могут. Сторож попытался прогнать незваных гостей, но над ним лишь смеялись.

Тогда он достал из шалаша старую одностволку и несколько раз выстрелил солью и мелкой дробью, пытаясь испугать парней в черном. Кого-то обожгло солью, кто-то вскрикнул, получил мелкую дробину в ногу. А дальше началось непонятное. Все выхватили пистолеты и открыли огонь. Сторож не успел даже удивиться, откуда у шпаны столько пистолетов. В него угодили несколько пуль, и он свалился рядом со своим шалашом.

Это были первые выстрелы по врагу, которые прозвучали возле Сталинграда. Танкисты ожидали, что их встретят противотанковые пушки, ряды окопов, пулеметные гнезда. Но вместо этого начал стрельбу из древнего ружья какой-то дурковатый старик.

— Много они так навоюют, — сказал один из танкистов. — Целый день двигаемся по степи, а русские пальцем о палец не ударят. Один герой нашелся, да и тот в дырявых штанах.

Подвезли бензин, заправили технику, и солдаты 14-й дивизии подъехали к берегу. Это было в четыре часа дня, в самый разгар полуденного жара. Волга была пустынна, на левом берегу виднелась бесконечная степь. Офицеры и солдаты фотографировались на память и, рассматривая реку, поражались ее ши-

Сталинград. Я – снайпер

рине. Кто-то делал торопливые записи в дневниках. Все идет как задумано: еще утром мы были на Дону, а сейчас уже на Волге. Осталось лишь добить город, который полыхал огромным костром, как и многие другие города, через которые прошли германские войска.

Не торопитесь, ребята, рассуждать о победе. В горящем Сталинграде все только начинается.

Глава 1

СТАЛИНГРАД, ОКТЯБРЬ СОРОК ВТОРОГО

Позиция была не слишком удачная. От трехэтажного кирпичного дома остались лишь два угла, несколько покосившихся комнат, перекошенные выломанные рамы. Внизу громоздились куски крыши, обломки мебели, тянуло запахом тлена.

Те, кто жили в этом доме, погибли полтора месяца назад, но извлечь тела из-под многотонной груды кирпичей и балок было невозможно. Мертвых в городе хватало. Своих немцы хоронили, а погибших красноармейцев и местных жителей в лучшем случае бросали в воронки, слегка закидав разным хламом.

Андрей Ермаков лежал на полусгоревшем матрасе. Винтовка с прикрытым тряпкой затвором была готова к выстрелу. С Волги дул холодный ветер, в воздухе крутились сухие листья и пепел. Порывами налетала рыжая глинистая пыль, поэтому затвор винтовки был прикрыт куском суконки, отрезанной от старой шинели.

Андрей Ермаков хорошо видел минометчиков. Две 80-миллиметровые «трубы» были установлены в сдвоенном окопе, соединенном узким ходом сообщения. Торчали лишь концы стволов, расчеты, высунув головы в касках, о чем-то переговаривались.

Время от времени поступала команда, и какой-то из минометов делал три-четыре выстрела. Трехкилограммовые мины уходили по крутой дуге, со звоном набирая высоту. В наивысшей точке мины на секунду замирали. Вниз падали уже с другим воющим звуком, который заставлял бойцов в траншеях сжиматься в комок, со страхом гадая, пронесет ли на этот раз или звук приближается точно к твоему окопу.

Минометы не были видны из наших укреплений. Иногда выпускали в ответ мину-другую, но с боеприпасами дела обстояли туго — вели огонь лишь по видимой цели. Ермаков мог бы уже подстрелить минометчика, а может, и двух, но его целью были наблюдатели.

Немецкие минометы, установленные на закрытых позициях, не могли вести огонь вслепую. Наблюдатель и телефонист, прятавшиеся в доме напротив, давали координаты перспективной цели, и «чертовы» трубы не давали покоя. Тем более, боеприпасов у фрицев хватало.

Раза два Ермаков ловил в прицел наблюдателя, но немца хорошо прикрывал угол разрушенного дома. Вместе с телефонистом он также сидел на третьем разрушенном этаже и действовал осторожно. Знал, что для наблюдателя не пожалеют и тяжелых снарядов из-за Волги, а русские снайперы ведут за ними направленную охоту.

Помощник Ермакова, крепкий темноволосый боец Ларька Кузовлев, еще не привык сидеть в засаде спокойно. За три часа он уже несколько раз подползал к Андрею, пытался обсуждать, что делать дальше, и уточнял, в какой ситуации ему тоже можно стрелять.

Изнудившись от бесполезного, по его мнению, наблюдения, Кузовлев неосторожно приткнулся к окну, наблюдая, как немцы с высот долбят из орудий по бронекатеру, идущему от острова Зайцевский к правому берегу.

Катер типа С-40, несмотря на низкую осадку и нагромождение башен и надстроек на корме, шел довольно бойко, выжимая положенные ему 18 узлов (35 километров в час). Снаряды среднего калибра поднимали многочисленные фонтаны воды, мокрого песка, но капитан С-40 со знакомым Андрею бортовым номером «06» знал свое дело и умело выводил судно из-под огня. Ермаков шикнул на помощника:

— А ну, голову спрячь!

Если снайперскую засаду обнаружат, то хорошего не жди. Подтащат поближе легкую пушку и выкурят градом снарядов. А скорее всего подберутся огнеметчики и сожгут живьем струей шипящего пламени. Жуткая смерть.

Когда «шестерка» подошла к берегу метров на семьсот, наблюдатель оживился, видимо, получил команду. Оба миномета присоединились к артиллерийскому обстрелу. Навесной огонь не бывает точным, но миномет выигрывает скорострельностью и способен выпускать два десятка мин в минуту.

На бронекатер обрушился град разрывов. Смысла в этом обстреле было немного, мины не пробьют броню катера. разве что при удачном попадании выведут из строя пулемет или контузят кого-либо из экипажа.

Дело было в другом. Дивизии и полки Красной Армии, защищавшие город, занимали узкую полосу берега шириной 200–300 метров. Их снабжение

осуществлялось в ночное время водным путем, через Волгу, которая достигала напротив города ширины два километра.

Любое судно подвергалось немедленному обстрелу с высот (в том числе с Мамаева кургана), откуда Волга просматривалась как на ладони. Требовалось не только топить русские корабли, баржи, лодки, но и внушить морякам мысль, что попытки преодолеть Волгу хоть днем, хоть ночью смертельно опасны.

На рассвете, когда Ермаков вместе с напарником пробирались к своей позиции, орудия с холмов накрыли деревянную баржу, набитую пополнением. Баржа стала тонуть после второго попадания. Красноармейцы прыгали через борта, многие застряли в трюмах. Утром было относительно тихо, и в промежутке между взрывами слышались крики тонущих людей. Вода в Волге в начале октября уже холодает до такой степени, что редкий пловец продержится больше четверти часа.

Красноармейцы бросали оружие, каски, стаскивали с плеч вещмешки, избавлялись от поясов с подсумками. Тяжелые шинели и ботинки тянули ко дну, развязавшиеся обмотки полоскались зелеными лентами, захлестывали ноги. Почуввав добычу, бойцов добивали из пулеметов, непрерывно сыпались мины. Оглушенные, растерянные, люди исчезали в темной воде. Несколько человек сумели поймать спасательные круги, цеплялись за обломки досок, но их расстреливали, как в тире.

Человек десять вынесло течением на песчаную косу. Кто-то лихорадочно копал укрытие, другие прятались в воде, но заскучавшие за ночь немцы полосовали из пулеметов стометровый клочок суши вдоль и

поперек. У кого-то из бойцов не выдерживали нервы, они метались по островку и падали один за другим, скошенные очередями.

Но двое-трое, наиболее собранные и хладнокровные, выкопали под огнем ямы в песке и замерли. Если нервы выдержат до вечера, то их подберут спящие по ночам взад-вперед весельные лодки.

Возможно, немецкий наблюдатель ожидал повторения утренней удачи и приподнялся, чтобы лучше видеть, как топят упрямый бронекатер. Над краем кирпичной стены торчала голова в каске и верхняя часть туловища. Наверняка немец чувствовал себя в безопасности под грохот десятков стволов, а молчание русских придавало еще больше уверенности.

Пуля, вылетевшая из ствола трехлинейки со скоростью девятьсот метров в секунду, попала наблюдателю под левую ключицу и, наискось прошив тело, вышла под правой лопаткой. Звук выстрела немец услышал с запозданием, пытаясь удержаться пальцами за выступы кирпича.

Телефонист бросился к своему товарищу, подхватил его под мышки, собираясь осторожно опустить на пол. Андрей двинул затвором, выбрасывая стреляную гильзу, и снова нажал на спуск. Телефонист, вскрикнув, отпустил тело наблюдателя и зажал ладонями нижнюю челюсть, которую раздробила пуля.

Он стоял неподвижно, оцепенев от болевого шока, и Ермаков мог бы его добить. Но зная по опыту, как опасны эти вторые и третьи выстрелы с одной и той же позиции, он поднялся и позвал напарника:

— Ларька, уходим!

Но Ларион Кузовлев уже нажимал на спуск, целясь в минометчиков. Он запоздал. Головы в касках мгно-

венно исчезли в укрытии после выстрелов Ермакова. 19-летний колхозник из деревни Логиновка, увидев, как метко бьет Ермаков, решил тоже отличиться, забыв все наставления.

Он промазал. Пуля подняла фонтанчик кирпичной крошки, а Ларька, рыча от злости, дергал затвор, собираясь выстрелить еще раз. У Кузовлева за первый год войны пропали без вести отец и старший брат. Наверное, сгинули. Ларька рвался за них отомстить.

Ермаков залепил ему затрещину и потащил вниз по лестнице. Это был самый опасный, простреливаемый участок. Андрей намеревался его преодолеть сразу же после выстрела. Но неожиданная задержка — ненужная стрельба упрямого помощника отняла минуту, которая могла стать для них последней.

Пулеметчики в дальнем окопе развернули свой МГ-34 и ударили по лестничному пролету. Веер пуль откалывал куски кирпича, обрушил пласт штукатурки. Ширкнуло по бетонной ступеньке, сплюснутая пуля, отрикошетив от стены, ударила Андрея в бедро. Высунулись из окопов минометчики и стреляли наугад из карабинов в облако известковой и кирпичной пыли.

Ермаков отчетливо услышал удар пули. Помощник присел и, схватившись за локоть, застонал от боли. Андрей тащил его прочь. От прицельного огня их защищала пыль.

Молодой немецкий офицер, в куртке с многочисленными нашивками, встал в проеме. С пояса дал несколько точных очередей, приближая дорожку разрывных пуль к мелькавшим среди развалин русским снайперам.

Их спас ротный «максим», открывший ответный огонь. Офицер брезгливо стряхнул крошки кирпича

с плеча и шагнул за проем стены. Не слишком спеша, но и не медля, зная хорошую прицельность неуклюжего русского пулемета. Ермаков и Кузовлев, пробежав метров сто, нырнули в проем между сваленным чугунным забором и сломанным тополем.

Тополя в Сталинграде растут высокие, метров по двадцать и больше. Но древесина у них хрупкая, и взрывная волна или попадание снаряда ломает дерево толщиной в два обхвата, как спичку. Это место Андрей уже использовал в качестве засады. Однако нагромождение бетонных столбов забора, чугунных прутьев и ворох ломаных ветвей невольно привлекали внимание.

От таких мест лучше держаться подальше, выбрать что-то более неприметное. Тополь уже жгли из огнемета, ветки наполовину выгорели и обуглились, под ногами хрустели угли. Устроившись под бетонным столбом, Ермаков попытался снять с напарника телогрейку. Тот закричал и отполз на пару шагов:

— Больно! Рука, наверное, оторвана, — жаловался Ларька.

Рукав телогрейки был насквозь пропитан кровью. Андрей отрезал рукав по шву и стал тянуть от плеча. Кузовлев снова закричал, а от ближнего дома резанула одна и другая пулеметная очередь.

— Терпи, — шептал Ермаков. — Сейчас мины запустят, и конец нам из-за твоей дури.

Как в воду глядел. Пулемет отработал еще несколько очередей, а затем полетели мины. Обычно за снайперами охотились настойчиво, не жалея боеприпасов. И сейчас рванули сразу пять-шесть мин. Немцы не успели разглядеть, куда нырнули русские снайперы, и не спеша обрабатывали подозрительные места.

Несколько мин и пулеметных очередей всадили в завалившуюся трансформаторную будку. Мина выбила растрескавшуюся кирпичную кладку у двери. Кусок стены отвалился вместе с металлической дверью.

Внутри лежали тела наших бойцов. Отчетливо виднелись бурые повязки. Сюда санитары приносили раненых, чтобы потом забрать. Но в ожесточенных сентябрьских боях, когда немцы объявили, что Сталинград взят, наши роты и взводы гибли порой до последнего человека.

Об этих раненых уже некому было позаботиться. Так они и остались в трансформаторной будке, в рваных окровавленных гимнастерках, распухшие, с лицами и кистями рук, объединенными крысами. Лежали они здесь давно, ветер разносил запах гниющего мяса.

Не обращая внимания на падающие мины и стоны напарника, Ермаков стащил излохмаченный рукав. Пуля пробила предплечье, сантиметров на пять ниже локтевого сустава. Из выходного отверстия торчали осколки костей. Тяжелая, нехорошая рана. Сейчас Ларька еще крепится, а через час-два ослабеет, вряд ли сможет идти.

На перевязку ушли оба индивидуальных пакета. Шину Андрей смастерил из двух небольших веток и примотал руку к груди.

— Разрывная пуля-то? — спросил Ларька.

— Нет, обычная. Но кость перебита, надо быстрее к своим выбираться.

— Как думаешь, отрежут руку или нет?

— Не должны бы. Рану я обработал, перевязал. Загипсуют в санбате и ночью на тот берег отправят.

— Если отрежут, я плакать не буду. Люди и с одной рукой живут, не бедствуют. Выучусь на счетовода, буду в тепле сидеть. Заслужил, правда ведь?

Кузовлев говорил возбужденно, глотая окончания слов. Лицо покрылось каплями пота, тело тряслось. Надо как можно быстрее уходить, но до темноты вряд ли получится. Ларька ползти не может, а к вечеру ноги окончательно откажут.

— Женюсь, — рассуждал Кузовлев. — Я инвалид войны, можно сказать, в героическом бою пострадал, пенсия положена. Может, медалью наградят? Мы ведь двух фрицев шлепнули, так ведь, Андрюха?

— Может, и наградят, — согласился Ермаков и приложил ладонь ко лбу напарника.

Лоб был горячий, а капли пота, стекающие по щекам, — холодные. Бредит парень... до вечера может и не дожить. Как бы крепко ни бинтовал руку, а кровь продолжает сочиться — черная, густая.

Снова упали несколько мин. Одна врезалась в столб ограды, брызнули куски бетона. Взрыв ударил по ушам с такой силой, что на несколько минут Андрей оглох. Напарник открывал и закрывал рот, однако слов Ермаков не слышал:

— Помолчи... фрицы под боком.

Но Кузовлев не замолчал. Продолжал возбужденно говорить, а потом как-то сник, свесив голову на грудь. Пульс прощупывался, видимо, потерял сознание.

— Ларька, терпи. Через час двинем к своим. Глянь, темнеет уже.

Только стемнеет еще не скоро. Да и не бывает здесь темноты. Наши и немецкие позиции сходятся порой до расстояния полусотни метров, непрерывно взлетают ракеты (в основном, немецкие), продолжают гореть дома и всевозможные постройки.

Ермаков прикидывал направление, по которому можно добраться до своей траншеи. Расстояние всего ничего, метров сто двадцать. Но по прямой в

разрушенном до основания Сталинграде не ходят. Перебегают от одного укрытия к другому, осторожно переползают открытые места, медленно пробираются вдоль уцелевших стен.

Но и в этом осторожном движении нет гарантии, что ты доберешься живым до нужного места. Сплошной линии обороны нет. Где-то прорвался вперед немецкий взвод и удерживает развалины дома. В другом месте упорно держатся наши, отвоевав стометровый кусок берега, каменный забор и остатки небольшого завода.

— Ларька, очухивайся, сейчас двинем.

— Куда? — тарачил на него подернутые мутью глаза Илларион Кузовлев.

Хороший простой парень, вышедший на «охоту» с Ермаковым всего во второй раз. Решил, что постиг все премудрости снайперской стрельбы и нарвался на пулю.

Темнота все же понемногу подступала. Багровые облака на горизонте наплыли на заходящее солнце, размывая в вечерней полутьме силуэты разрушенных домов, деревья с обрубленными ветками. Трансформаторная будка с мертвыми телами бойцов слилась с остальными развалинами. Ермаков сумел поднять вялого, обвисающего на руках напарника, и вытащил его из укрытия.

Кузовлев кое-как передвигал ноги и даже оживился, когда Андрей сообщил, что до траншеи осталось шагов семьдесят.

— Три минуты ходьбы, держись.

— Вижу, — бормотал Ларька. — Держусь.

В этот момент произошло неожиданное. Верхушка тополя, где они прятались последние часы,

вспыхнула с характерным шипящим звуком — так действует огнемет. Пламя взметнулось вверх, мгновенно осветив участок асфальта, на котором стояли Ермаков и Кузовлев.

Со стороны утонувших в темноте домов потянулась разноцветная цепочка трассеров. Андрей повалился лицом вниз, прижимая к себе Ларьку. Но пулеметчик на таком расстоянии промахнуться не мог. Отчетливо прозвучали шлепки пуль о человеческую плоть, а Кузовлев дернулся с такой силой, что вырвался из рук Ермакова.

Трасса хлестнула по уцелевшему участку асфальта, выбила искрящуюся дорожку. Одна из пуль ударила в ложе винтовки, ствол громыхнул о камни. К пулеметчику присоединились другие стрелки. Вели огонь и с нашей стороны.

При свете ракет Андрей увидел широко раскрытые глаза напарника. Тот был мертв. Ермаков полз, волоча в левой руке разбитую винтовку. Немного передохнул в глубокой воронке, а затем, пригнувшись, добежал до траншеи и перекатился через бруствер.

Трясущимися руками вертел и никак не мог свернуть самокрутку. Ему помогли, прикурили и молча ждали, пока он жадно затягивается махорочным дымом.

— Убили Ларьку? — спросил Никита Вереютин, пожилой мужик, земляк погибшего помощника.

— Убили.

— Жалко парня. Отец, брат сгинули, а теперь вот на Лариона похоронка придет.

— Дети в семье еще есть? — поинтересовался кто-то.